

Глава 1

ДЕВУШКА С ЖЕМЧУЖНЫМИ ВОЛОСАМИ (Gyongyhaju Lany)

В черном вечернем небе зловеще мерцала луна. Да-да, вот именно так — зловеще! Рассыпавшиеся вокруг звезды танцевали какой-то непонятный танец, подчиняясь раскатистому рокоту бубна, дрожащего в руках шамана, словно пульсирующее сердце. Бубен рокотал все громче, ритм становился быстрее, быстрее, быстрее...

И вдруг...

— Хэй!

Замолк бубен. Стихли большие барабаны. Резко оборвались крики. Ненадолго, секунды на две...

А потом снова:

— Хэй!

Зарокотали, забили бубны и барабаны. Утробно завывая, запрыгали, замельтешили полуголые коренастые фигуры с длинными спутанными волосами-гривами. У каждого в руках меч. Воины-гунны... Жестокое, не ведающие жалости и страха воители далеких степей.

Один из них — судя по богатому золоченому поясу, вождь — вдруг подскочил к Аркадию, крепко прижавшему к вкопанному в землю столбу. Подскочил, замахнулся мечом... Гнусная ухмылка озарила его

плоское грязное лицо, по-волчьи оскалились желтые зубы...

Пленник дернулся, ударился затылком в столб. Связанные руки напряглись, вздулись жилы, и жуткий кровавый месяц заглянул в глаза, казалось, в последний раз...

Гунн гулко захохотал. Опустил меч, отскочил, вливаясь в мерзостный дикий танец, грозящий вот-вот перейти в кровавую схватку...

Так и случилось.

Шаман — кривоногий, с круглым бабьим лицом и широченными плечищами, — подпрыгнув, взметнул бубен вверх, к небу и жутко провыл:

— Тенгри-и-и-и!!!

— Тенгри-и-и! — вскинув мечи, подхватила внезапно притихшая толпа. — Тенгри!

— Страва, — как-то совсем буднично сообщил жрец, опуская бубен. — Страва... Хоп!

Воины только этого и ждали. Вскинулись, бросились друг на друга с утробным яростными воем. Зазвенели мечи, полилась кровь...

Один удар... Второй... Третий... Пятый! Брызнула кровь...

Правда, бились не в полную силу. Аркадий заметил: раненые просто отходили в сторону, их никто не трогал, не добивал. Значит, так надо. Значит, это не настоящая битва, а так... Страва, как сказал шаман. Приказали, вот и стравились, ага...

Пользуясь моментом, пленник внимательно осмотрелся вокруг. Кое-что он — откуда-то! — знал, кое-что — видел.

Воины, шаманы и зрители собрались на большой поляне, явно рукотворной — недавно расчищенной, без всяких там пней, деревьев или кустов. Даже травы и той не было. Не росла или просто... Ну да, ну да! Аркадий чуть повернул голову и прислушался — за

огромной песчаной насыпью слева журчала река. Насыпь казалась свежей... Ну конечно, ее ведь совсем недавно устроили. Отвели русло, дабы достойно похоронить вождя. Да что там вождя — короля, царя, императора! Или как там еще именовали Аттилу, великого повелителя гуннов, германцев и прочих?

Вот он лежит, в гробу, в вырытой яме — мертвый герой, Потрясатель Вселенной. Пуля, выпущенная в гуннских степях... Хотя нет, не пуля — стрела. Три гроба: первый — из чистого золота, второй — из серебра, третий — из крепкого железа. Этот-то вот последний и мерцал сейчас в свете горящих костров и луны, а вокруг вся яма была завалена золотом! Пиршественные чаши, увесистые блюда, украшенные драгоценностями шлемы, а еще — пекторали, браслеты, золотые монеты и прочая мелочь. Все свалено в кучу вокруг гроба, точнее, гробов. Без всякого разбора, словно бы просто взяли да сгребли бульдозером. Ну правильно, чего огород городить? Там, на том свете, бесстрашный воитель сам разберется...

Тьфу!

Среди золота белели трупы. Лошади, наложницы, жены... Их всех убили, да. Чтоб было кому прислуживать повелителю, чтоб...

Так было на-адо. Так правильно. Ага.

— Хоп!

Выкрикнув, точнее, плюнув в толпу криком, плосколицый шаман с бритой наголо головой одним взмахом руки прекратил страву и окинул собравшихся пристальным жгучим взглядом. Так, рыча и скаля зубы, смотрит волк перед прыжком. Жрец, правда, не рычал, но зубы скалил. То ли улыбался, то ли кривился — поди пойми. Но все его слушались, даже толпившиеся почти у самого гроба знатные воины в шелковых плащах — господа вполне ухоженного и гордого вида, явно не из простых.

— Хоп! — Ухмыльнувшись с явной злобой, шаман облизал тонкие губы и, подбросив бубен, прорычал: — Ильдико!

— Ильдико! — подняв мечи, радостно подхватила толпа. — Ильдико! Ильдико! Страва!

Привязанный к столбу пленник невольно покривился: опять страва! Да сколько можно-то?

Правда, на этот раз все пошло совсем по-другому. На площадку перед могилой, политой кровью недавно дравшихся воинов, вышли три девушки. Одна — коренная, с узкими щелочками глаз, другая — смуглая, с копной густых иссиня-черных волос, и третья белокожая, рыжая, с могучими бедрами и необъятной грудью, забранной в узкий черный корсет. Все девы, как на подбор, мускулистые, крепкие, у каждой два меча: один длинный, второй покороче, но даже издали видно, что не просто кинжал, а...

«Скрамасак», — неожиданно всплыло в памяти пленника подходящее германское слово. И тут же, сразу за ним, римское: «Демиспата. Полумеч...»

Та-ак... Похоже, настала очередь девушек! Сейчас они станут биться между собой и...

Не тут-то было!

Под гулкие крики двое воинов привели под руку еще одну деву — как и прочие, почти нагую, в куцей набедренной повязке. Стройные бедра, изящная, не слишком большая грудь, бледное личико с аристократически тонкими чертами и пепельные, вернее, пепельно-русые локоны, густые и чуть подрезанные, падающие на плечи водопадом из чистого жемчуга — так казалось в серебряном свете луны. Какая красавица! Вот уж поистине платиновая блондинка. Да что там платиновая — девушка с жемчужными волосами!

На спине красавицы под левой лопаткой заиграла татушка — бегущий красно-черный бык с наклоненной головой! Сам темно-красный, а рога — черные.

— Ильдико-о-о!

Один из воинов вручил девчонке мечи: длинную спату и короткий полумеч-полунож — скрамасакс. Улыбнулся, не удержался — ущипнул красотку за левый бок, что-то шепнул. Наверное, пожелал удачи.

Аркадий невольно поежился: это что же, красотуля будет биться сразу с тремя? Одна-ако... Долго не продержится, тем более супротив таких-то бабищ, по виду — истинных амазонок. Жаль. По всей видимости, девчонку решили принести в жертву, спровадить на тот свет вслед за Аттилой. Чтоб служила... Или для каких-то иных утех.

Ударил бубен. С наступающим гулом зарокотали барабаны. Воительницы сошлись, закружили друг против дружки.

Хоп! Желтолицая первой нанесла удар, за ней взмахнула мечом и смуглянка. Жемчужница молодец, оказалась не такой уж и рохлей, несмотря на весь свой томно-гламурный вид. Ловко отразив выпады, отпрыгнула и сама ринулась в контратаку, стремительно и грациозно нанесла удар. Сначала — рыжей, длинным мечом, и тут же — желтокожей, уколов в бедро полуспатой... Послышался приглушенный вскрик, и капли алой крови упали наземь... Завыв, желтолицая вновь ринулась в атаку. Толпа подбадривала ее столь же диким воем и улюлюканьем.

Аркадий хмыкнул: что ж вы так красотку-то невзлюбили? Эх вы, мужики...

Удар! Удар! Удар! Соперницы Ильдико напали со всей яростью, всерьез. Кто-то из них — привязанный не заметил кто — уже успел поранить красотку: по левому боку бедняги пролегла узкая кровавая полоса. А вот и на уколоте бедре показалась кровь...

Окрыленные поддержкой толпы, три разъяренные фурии закружили вокруг несчастной. Та отбивалась,

пока еще могла, но ясно было: долго не выдержит, слишком уж неравные силы.

— Убейте ее! Убейте! — орали воины и жрецы. — Смерть отравительнице! Смерть! Смерть! Смерть!

По всему, у этой отважной красотки с жемчужными волосами никаких шансов не было. Еще пара-тройка минут — и кто-нибудь из соперниц поразит ее в сердце... или в живот... в печень...

Жалко девчонку. Жаль...

Что такое? Пленник невольно дернулся и попытался поджать ноги. Что-то холодное лизнуло вдруг пятки, что-то влажное... Вода! Ну да, черт побери, вода!

Ненавязчивое дотоле журчание сделалось куда как громче, под ногами уже плескалась лужа, а от насыпи текли ручьи! Кто-то разрушил дамбу, не полностью, но... Вода быстро прибывала, еще чуть-чуть, и...

Никакой особой паники не случилось. Один из богато одетых господ поднял руку и что-то громко приказал. Собравшиеся — воины и жрецы — быстро полезли наверх, по крутому склону, выбираясь из русла реки. Поначалу соблюдался хоть какой-то порядок — первые пару минут, пока не выбрались главные. А вот потом...

Кто там оставался-то в последних рядах, рядовые воины или просто слуги? Бог весть... Только спешили они зачетно! Толкались, переругивались, орали, стаскивали друг друга с кручи, расчищая себе путь. Улепетывали так, что только пятки сверкали! Да и пора, вода быстро прибывала, Аркадию уже было по пояс... по грудь...

Куда-то делись девчонки, жемчужноволосая красавица Ильдико тоже исчезла. Верно, сбежала, пользуясь поднявшейся суматохой. Молодец, если так.

Она-то молодец, а вот ты, Аркадий Иваныч — увы! И опомниться не успел, как вода уже подкралась к губам, к носу...

Пленник что есть силы затряс головой, отфыркиваясь и пытаясь хоть что-то сделать... Да что тут сделаешь! Пути оказались надежны, столб — крепок. Вот уже пред самими глазами вскипела жуткая зеленоватопенная пелена, стало невозможно дышать, и неудержимый поток, освещенный серебряным лунным светом, наконец рванул в дыхательные пути...

* * *

— Тьфу ты, господи!

Проснувшись в холодном поту, Аркадий уселся на диване, не понимая, где он и что с ним. Чертов потоп! Могила... Блин... Какая, на фиг, могила? Вот он, Аркадий Иванович Иванов, у себя дома. Ночь. За окном редкая машина проедет.

Иванов повернул голову — зеленоватые цифры электронных часов высвечивали три ноль пять. Ну да, ночь еще! Вернее, раннее утро. Впрочем, как посмотреть.

Взяв со стола початую бутылку «Ред Лейбл», Аркадий плеснул в стакан (успокоиться) и, выпив одним глотком, вышел на балкон как был, в джинсах и старой майке с застиранной надписью «Сепультура» — дань бурной подростковой жизни, такой нынче далекой...

Хотя не такой уж и далекой, если разобраться: Аркадий едва тридцатник разменял — тоже еще возраст. Вот именно, всего-то тридцатник. А уже кое-чего молодой человек в этой жизни добился! Свое дело, собственный магазин, какие-никакие доходы... Если б еще не пожарники, если б не налоговая, не инспекция по труду, не администрация района, не... Всем дай, дай, дай! На одного с сошкой — семеро с ложкой.

Ну, и как тут торговлю вести? Еще бизнес-кредит не отдал, а тут новый — ипотека. Квартирка в но-

востройке в Мурино подвернулась, надо было брать, не жить же всю жизнь с отцом в пригороде, мотаясь каждый день в Петербург. Магазин-то располагался в центре, на Карповке, в длинном и сыроватом подвале и назывался «Дохлая улитка». Почему именно так? Да черт его... Кто-то из бывших друзей придумал, теперь уж не упомнишь кто.

Не так и давно, года три тому, когда всерьез решил из ментовки уйти, точнее сказать, из полиции. Капитаном ушел, с должности старшего опера — майорская, между прочим, должность. Хотя светило Иванову очередное звание, как же! Держи карман шире. Аркадий был из тех, кого, в шутку или всерьез, пятнадцатилетним капитаном кличут. Дескать, пятнадцать лет тебе до майора пахать, если вообще сумеешь добраться. Да оно надо?! Капитаном-то...

Старший опер, крути не крути, а начальство. Особенно, когда непосредственный начальник, майор Брусничкин, то в отпуск, то на больничный, потом — в дополнительный отпуск (по выслуге лет положено), а после — опять на больничный. А с замначальника — спро-ос! Заглянет проверка — едва в коридор войдут, как сразу: а чего это у вас присяги на стене нет, не повешена? Ага, еще и стенд с портретами руководства главка не обновлен — это уж вообще ни в какие рамки! Получите-ка строгача, тов-варищ капитан! А к строгачу — минус премия и плюс отпуск в мартobre, так-то! Чтoб не расслаблялся, ага...

Отчеты еще не написаны, каждодневные рапорта вовремя не сданы. Когда тут преступников ловить? Правильно, некогда. Имитация бурной деятельности — на том все стоит и стоять будет... как член после виагры! Про член — это не Иванова придумка, Брусничкина. Смешно-о... аж выть хочется.

Выть Аркадий не стал. Как совсем допекли, уволился — плюнул да рапорт «по собственному» нака-

тал. Держать не стали. Иванов вообще честный был, по нынешним временам — реликт. Честный, конечно, относительно: своего старался не упускать, но и зря не беспредельничал, за что контингент «на земле» его уважал, да и большие бандюки при встрече раскланивались. Впрочем, не бандюки они теперь — уважаемые люди. Депутаты, бизнесмены, один даже в главы районной администрации выбился, его там так и звали: не глава, а главарь — главарь районной администрации. Были в друзьях и приличные бандюки, тот же Леха Луноход или там Скорыч.

Дело свое Аркадий открыл, можно сказать, случайно. Отец его, Иван Аркадьевич, знатный, к слову, сварщик, всю свою молодость провел «на северах». Деньги по тем временам заколачивал немалые, и там же, на Севере, подсел на хорошую тяжелую музыку — «Дип Перпл» там, «Блэк Саббат» и прочие лед-зешепелины. Диски и аппаратуру моряки в порт привозили и продавали «о-очень дешево», но деньги были. Куда их еще там, на северах, тратить? Спирт разве что пьянствовать.

Вот с тех пор у отца собралась большая коллекция всякого там винила. И Аркаша пристрастился, в детстве еще. Когда же разговор зашел об увольнении и своем деле, отец и посоветовал виниловыми дисками торговать — и старыми, подержанными, и новыми. Дело надежное, тем более виниловых фанатов день ото дня все больше и больше, даже сопленосая молодежь и та, хотя, казалось бы, тем-то что до дисков?

Так что нынче бывший опер торговал старыми дисками, всякой винтажной аппаратурой, жил себе, поживал да добра потихоньку наживал. Если бы еще не всякие инспекции да кредиты... Так-то ничего, крутился, но если вдруг, не дай бог, какой-нибудь форс-мажор — тогда все. Как говорится, туши свет, сливай масло.

Накатив еще с полстаканчика («Ред Лейбл» — неплохой виски, и недорогой, что опять-таки важно), Иванов вышел на лоджию. Курить он года два назад бросил, а вот привычка постоять-подумать осталась. Встал, распахнул окошко — морду лица сразу же окатило холодными брызгами. А вот тебе! С добрым утречком, господин хороший! Дождь. Ну а что хотите, осень, октябрь на дворе, а питерский октябрь — это вам не «в багрец и золото одетые леса», а промозглый, сутки напролет дождище, затянутое непроглядными тучами небо и слякоть. А здесь, в новостройках, еще и грязь по колено. Такая вот «золотая осень».

Черт, а ветер-то! Захлопывая окно, Аркадий поежился. Да уж ветер, походу, с залива, а это плохо, может и волну нагнать. Карповка — речка капризная, запросто из берегов выйдет. Как в прошлом году... Полмагазина тогда затопило, сколько плакатов пришлось выкинуть. Не дай бог!

Поплотнее закрыв балконную дверь, Иванов отправился в ванную бриться. Все равно уже не спалось, да еще кошмары какие-то снились... Атилла, надо же! Еще какая-то Ильдико... Нет, так-то девчонка да, классная. На Ленку Тусову, одноклассницу, похожа, такая же изящная красотуля. Только Ленка — блондинка обычная, а та — платиновая. Девушка с жемчужными волосами... Песня такая была, ага...

Однако же ну и рожка! Глянув на себя в зеркало, Аркадий сплюнул. Вроде бы не очень-то вчера и пил, а гляди какие мешки под глазами! Или это освещение такое? Да, наверное, освещение. Или все же вчера выпил лишнего? Как говорил бывший клиент Леха Корольков, «нафигарился, как луноход на Марсе». Оттого его так и прозвали — Луноход.

Эх, Леха, Леха, хороший был парень, хоть и бандит. Хотя почему был? Он и сейчас есть, только в Венгрии, в Будапеште. Успел свалить. Какое-то у него там

дело, дом. Бывшего куратора, молодец, не забывает. В гости постоянно зовет, пишет в фейсбуке. Да и как позабыть-то? Сколько Аркадий его отмазывал? Вот Леха и...

Что-то руки дрожат. Может, не бриться? Трехдневная щетина бледнолицему брюнету Аркадию шла, и он это прекрасно знал. На баб хорошо действовала, притягивала, будто магнитом. Вообще, Иванов парнем был симпатичным: высок, строен, голубоглаз, в меру подкачан. Девки его любили, правда, серьезных отношений Аркадий ни с кем не нажил. Может, девчонки такие попадались, а скорее сам пока не хотел. Не чувствовал такой надобности, вообще любил жить один. А что? Никто мозги не компостирует, чем плохо? Кулинар Аркадий и сам был неплохой, а ежели становилось скучно, так вызванивал какую-нибудь мадам.

Кстати, надо бы вызвонить. Заодно бардак тут приберет. Да, вызвонить, а с утра — отправить к черту, а то будет целое утро гундеть. Кого бы сегодня: Ленку или Маринку? Ленка — сисястая, а Маринка — смешливая, да и помоложе. Можно, правда, ни Ленку, ни Маринку, а...

Выйдя из ванной, Иванов схватил смартфон, но тот вдруг сам собой зазвонил, задергался в ритме «Найтвиш» — тяжелой финской симфо-рок-группы. Аркадий «Найтвиш» обожал, как и их бывшую солистку Тарью Турунен.

— Ага... Я... Что-что? Какой еще потоп? Ах, потоп... И много затопило? Ну, в общем, сейчас буду. Ты жди и попробуй там сделать что-нибудь. Что сделать? Я почему знаю. Сам смотри, да.

Нужно было ехать, и срочно. Конверты у пластинок намокнут — кто их потом купит? Да и сданная на комиссию аппаратура — всякие там усилители, колонки, вертушки — тоже водичку не очень-то любит. Скорее бы, скорей...